

**5 июня 2018 года исполняется 120 лет
со дня рождения
Федерико Гарсиа Лорки**

Федерико Гарсиа Лорка родился 5 июня 1898 г. в андалузском селении Фуэнтевакерос. Окончил Университет в Гранаде. Литературную деятельность начал в 1919 г., выпустив романтическую сказку «Злые чары бабочки». Сборник «Книга стихов» вышел в 1921 г. и был ещё в достаточной степени подражательным. Потом Гарсиа Лорка вырабатывает свой стихотворный язык, совмещая поэтические формы XX в. с народно-песенными, фольклорными традициями родной Андалусии. Успех ему принесли сборники «Канте хондо» (1921–1922 гг., опубликован в 1931 г.), «Песни» (1927 г.), «Цыганский романсеро» (1928 г.), поэма «Плач по Игнасио Санчесу Мехиасу» (1935 г.).

После поездок по Кубе и США в 20–30-х гг. Лорка пишет книгу стихов «Поэт в Нью-Йорке» (опубликована в 1940 г.), проникнутую духом неприятия «мира вещей», мира наживы и власти денег. Одновременно со стихами поэт создаёт пьесы, где воплощает основные темы своего творчества: любовь, смерть, ненависть к деспотизму. Это героическая драма «Мариана Пинеда» (1925 г.), народный фарс для кукольного театра «Чудесная башмачница» (1930 г.). Вершинами поэтического театра Лорки стали трагедии «Кровавая свадьба» (1933 г.) и «Иерма» (1934 г.), пьеса «Донья Росита, девица, или Язык цветов» (1935 г.), драма «Дом Бернарды Альбы» (1935 г., опубликована в 1945 г.).

Героини этих произведений каждая по-своему пытаются преодолеть косность общества и обрести свободу. После провозглашения Испанской республики в 1931 г. Гарсиа Лорка принял сторону республиканцев в борьбе против генерала Ф. Франко.

В 1931–1933 гг. он руководил передвижным студенческим театром «Баррака», где ставились пьесы испанских классиков.

Застигнутый франкистским мятежом в Гранаде, Гарсиа Лорка был расстрелян фашистами 19 августа 1936 г. близ Гранады.

Федерико Гарсиа Лорка

РОМАНС ОБ ИСПАНСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ

Их кепи черныш-черны,
и черен их шаг печатный.
На крыльях плащей чернильных
блестят восковые пятна.
Надежен свинцовый череп -
заплакать жандарм не может;
въезжают, стянув ремнями
сердца из лаковой кожи.
Нолуночны и горбаты,
несут они за плечами
песчаные смерчи страха,
клейкую мглу молчанья.
От них никуда не деться -
скачут, тая в глубинах
тусклые зодиак
призрачных карабинов.

О звонкий цыганский город!
Ты флагами весь увешан.
Желтеют луна и тыква,
играет настой черешен.
И кто увидал однажды -
забудет тебя едва ли,
город имбирных башен,
мускуса и печали!

Ночи, колдующей ночи
синие сумерки пали.
В маленьких кузнях цыгане
солнца и стрелы ковали.
Плакал у каждой двери
израненный конь буланный.
В Хересе-де-ла-Фронтера
петух запевал стеклянный.
А ветер, горячий и голый,
крался, таясь у обочин,
в сумрак, серебряный сумрак
ночи, колдующей ночи.

Иосиф с девой Марией
к цыганам спешат в печали -
она свои кастаньеты
на полпути потеряли.

Мария в бусах миндальных,
как дочь алькальда, нарядна;
плывет воскресное платье,
блестя фольгой шоколадной.
Иосиф машет рукою,
откинув плащ златотканый,
а следом - Педро Домек
и три восточных султана.
На кровле грезящий месяц
дремотным аистом замер.
Взлетели огни и флаги
над сонными флюгерами.
В глубинах зеркал старинных
рыдают плясуньи-тени.
В Хересе-де-ла-Фронтера -
полночь, роса и пенье.

О звонкий цыганский город!
Ты флагами весь украшен...
Гаси зеленые окна -
все ближе черные стражи!
Забыть ли тебя, мой город!
В тоске о морской прохладе
ты спишь, разметав по камню
не знавшие гребня пряди...

Они въезжают попарно -
а город поет и пляшет.
Бессмертников мертвый шорох
врывается в патронташи.
Они въезжают попарно,
спеша, как черные вести.
И связками шпор звенящих
мерещатся им созвездья.

А город, чуждый тревогам,
тасует двери предместий...
Верхами сорок жандармов
въезжают в говор и песни.
Часы застыли на башне
под зорким оком жандармским.
Столетний коньяк в бутылках
прикинулся льдом январским.
Застигнутый криком флюгер
забился, слетая с петель.
Зарубленный свистом сабель,
упал под копыта ветер.

Снуют старухи цыганки
в ущельях мрака и света,
мелькают сонные пряди,
мерцают медью монеты.
А крылья плащей зловещих
вдогонку летят тенями,
и ножницы черных вихрей
смыкаются за конями...

У Вифлеемских ворот
сгрудились люди и кони.
Над мертвой простер Иосиф
израненные ладони.
А ночь полна карабинов,
и воздух рвется струною.
Детей пречистая дева
врачует звездной слюною.
И снова скачут жандармы,
кострами ночь засевая,
и бьется в пламени сказка,
прекрасная и нагая.
У юной Росы Камборьо
клинком отрублены груди,
они на отчем пороге
стоят на бронзовом блюде.
Плясуньи, развеяв косы,
бегут, как от волчьей стаи,
и розы пороховые
взрываются, расцветая...
Когда же пластами пашни
легла черепица кровель,
заря, склонясь, осенила
холодный каменный профиль...

О мой цыганский город!
Прочь жандармерия скачет
черным туннелем молчанья,
а ты - пожаром охвачен.
Забывать ли тебя, мой город!
В глазах у меня отныне
пусть ищут твой дальний отсвет.
Игру луны и пустыни.

Николай Асеев

Песнь о Гарсиа Лорке

Почему ж ты, Испания,
в небо смотрела,
когда Гарсиа Лорку
увели для расстрела?
Андалузия знала
и Валенсия знала,-
Что ж земля
под ногами убийц не стонала?!
Что ж вы руки скрестили
и губы вы сжали,
когда песню родную
на смерть провожали?!
Увели не к стене его,
не на площадь,-
увели, обманув,
к апельсиновой роще.
Шел он гордо,
срывая в пути апельсины
и бросая с размаху
в пруды и трясины;
те плоды
под луною
в воде золотели
и на дно не спускались,
и тонуть не хотели.
Будто с неба срывал
и кидал он планеты,-
так всегда перед смертью
поступают поэты.
Но пруды высыхали,
и плоды увядали,
и следы от походки его
пропадали.
А жандармы сидели,
лимонд попивая
и слова его песен
про себя напевая.